

Ольга Ларионова

# Клетка для головы



Ольга Ларионова  
**Клетка для головы**

«Автор»

2024

## **Ларионова О.**

Клетка для головы / О. Ларионова — «Автор», 2024

КЛЕТКА ДЛЯ ГОЛОВЫ – неравная борьба сотрудника Научной корпорации с нейросетью, тотальным контролем над сознанием. Том Миллер, обладающий чувствительностью к фотонной среде, убежден, что авторская программа «Управление эмоциями на расстоянии», помощь со стороны голограммы Тью, профессора отдела «Цифровая археология» Майка и его шифры-коды установят время разработок проектов управления сознанием и откроют обществу правду об антропном принципе. Эта борьба за прозрения пассивных бездуховных масс и историческую память. Том становится изгоем за желание решить проблему утраты знаний и моральных ценностей. Он анализирует, тогда как общество разучилось думать. Но тот ли мир оценивает он? В той ли реальности он живет? Его единомышленники – ученые, медиумы, телепаты – против дисков-Информаторов, стражей, боевых роботов, чипов, информационных посылов речи Протектора в мозг человека. Том Миллер может изменить весь мир 2130 года. Но сколько жертв потребует поиск истины?

© Ларионова О., 2024

© Автор, 2024

# Ольга Ларионова

## Клетка для головы

### ГЛАВА 1

#### Стражи порядка

При всей своей внутренней скромности он был виртуозным, немного безрассудным водителем. В то время, когда весь поток магнитомобилей двигался синхронно, спокойно, с одинаковой скоростью, полагаясь на автопилотирование, этому рисковому молодому человеку пришло в голову взять управление магнитомобилем в свои руки – он отрегулировал руль, потянув на себя, с усилием нажал на скорость: выско-бодившийся адреналин увеличил пульс, позволил мыслить быстро и внимательно смотреть вокруг. Машина под его уме-лым управлением под-нялась на уровень второго яруса шоссе, на высоту семи метров от земли, и, круто осадив рядом летя-щий магнитомобиль, мгновенно обогнала нависающий сверху третий уровень движуще-гося транспорта – в окно ворвал-ся теплый воздух, прогретый во время дневного зноя (жаркие дни в конце сентября по-прежнему служили лету!).

Солнце клонилось к горизонту – последние лучи медленно рассеивались в небе, окра-шивая границу земли и воз-душной поверхности красным цветом. Поток света еще успел на мгновение задержаться красно-оранжевым разли-вом на крышах домов, антеннах, макушках деревьев. Вечер заступал в свои права ярким красивым тоновым перехо-дом, сглаживая кон-туры. Под его пологом стали скрываться из вида не только низенькие урбанистические здания, платформы, сверкающие панели-вывески – скрылись и огромные небоскребы с острыми шпи-лями. И хотя уже магнитомобиль отдалился от шумного города, внимательный водитель все еще посматривал в зеркала и наблюдал, как еле различимый силуэт мегаполиса растворяется безвозвратно на фоне этого огненно-алого заката. Также остались позади длинные многосег-ментные строения, прежде так часто мелькавшие вдоль обочины.

В это время шоссе была загружено всего на три балла по шкале Реймсера – ничто не мешало движению! Том Миллер продолжал свободно пилотировать с постоянной скоростью – сто миль в час. Но как только дорога стала ветвиться между полей и небольших селений, Мил-лер замедлил движение. Он стал всматриваться в аллею деревьев, обрамля-ющих эту дорогу: освещенные светом фар силуэты кленов отбрасывали причудливые тени, которые удлинялись и рас-ползались в стороны.

Вскоре внимание Тома с природных предметов перешло на иного рода обстоятельства. На пути все чаще стали встре-чаться магнитомобили с сигнальными красными огоньками и проверочные посты. И чем ближе Миллер приближался к своему жилому сектору, тем больше патрульных и воен-нослужащих, обмундирование которых позволяло ему определить их при-надлежность к роду войск. Все внутри Миллера стало протестовать и воспаляться, но он взял себя в руки, погасив вспыхнувшее раздражение. Он тихо прошептал:

– Сухопутные... Очевидно, на этом пункте проверяют не только документы... и это, видимо, надолго...

Впереди образовалась «пробка». Том осмотрелся по сторонам. На противоположной линии шоссе происходи-ло аналогичное действие тому, чего следовало ожидать и его линии: проверка документов, беглый опрос о цели поезд-ки, досмотр магнитомобилей в случае допол-нительных мер

безопасности. Повсюду – стражи порядка, одетые в броне-жилеты и униформу; бронеав-томобили, припаркованные по каждую сторону дороги; боевые роботы, «спящие» без острой необходимости до тех пор, пока не получен сигнал о серьезном правонарушении. От происхо-дящего вокруг в душе Тома вновь стало зарождаться чувство внутреннего протеста, но рассу-

док опять побудил усилить контроль над собственными эмоциями. Несколько минут он просидел, глядя в одну точку.

Наконец, к Миллеру подошел полицейский. Том положил руки на руль, изображая покорность. Патруль пристально посмотрел водителю в глаза и, встретив беспристрастный взгляд, перевел все свое внимание на предъявленные документы. С другой стороны машины подступил второй полицейский – тучный мужчина с кривыми и очень короткими ногами, с вялой походкой и манерой раскачиваться при ходьбе из стороны в сторону. Эту особенность Том воспринял как демонстрацию превосходства правительственного служащего. Подошли и еще несколько патрульных, которые были экипированы универсальным оружием. Они попросили Миллера выйти и ожидать на обочине без видимых на то причин. Том последовал указаниям. Тут же к процессу досмотра приступил первый из проверяющих, который досконально осмотрел багажник, иллюминируя его световым потоком, затем и второй – верифицировал номер магнитомобиля в электронной базе.

– Все в порядке! – отрапортовал патрульный главному инспектору.

– Всего хорошего, – ответил офицер и, немного помедлив, словно испытывая терпение, провел сканером по карте.

Том вернулся в машину и увидел в боковое зеркало, что магнитомобиль, следовавший за ним, также подвергся неправомерному тщательному досмотру. Том отключил пилотирование, выбрал функцию ручного наземного управления, повернул руль вправо и плавно съехал с шоссе на узкую дорогу, вдоль которой тянулась роща низкорослых кустарников. На повороте машину осветили дорожные прожекторы, но вскоре эти яркие лучи, так раздражавшие Миллера, остались за спиной. А впереди – туман.

В салоне тишину прервал звонок. На левой нижней части лобового стекла появилось изображение коллеги, зазвучал голос:

– Привет, Том!

– Лина, приветствую!

– Ты еще в дороге? Звоню напомнить о своей просьбе?

Помнишь о сроках? – непринужденно спросила Лина.

– Да. К пятнице – проверить твой отчет и тезисы?

– Да. Верно. Приглашаю в кафе. Обсудим детали при встрече! – продолжила настаивать девушка.

Едва Лина закончила фразу, «проснулась» камера наблюдения, установленная над передним стеклом, и направила свой угол обзора в сторону водителя. Тому сразу пришло на ум сравнение этого Безмолвного Ока с многоглазым греческим великаном Аргусом, с этим неусыпным сторожем, взоры которого обращены на смертных. Казалось, этот источник страха зародился в другом мире, а Том намеренно перенес его в этот, – может, тот бессознательный страх ищет путь, подобно роднику, который проходит сквозь земные недра, но достаточно впадины между гор – и оттуда подземная вода пробивается наружу и становится ключом.

Миллер чувствовал лишь одно: он хочет избавиться от этих мыслей, но они не повинуются ему самому. Лина также среагировала на камеру, и ее лицо на экране мгновенно перестало выражать эмоции. Ни намек на доброе расположение!

– Хорошо, постараюсь проверить. До завтра! – сухо ответил Миллер.

На открывшейся панораме жилого комплекса замелькали одно- и двухэтажные дома, сквер, неясные силуэты скульптур. Проехав еще два квартала, Том повернул направо к своему коттеджу.

Он неспешно вышел из машины, подошел к террасе, огляделся вокруг и запрокинул голову кверху: на вечернем темно-синем небосклоне загорались первые звезды. Том обрисовал взглядом небесный купол и известные ему созвездия, а затем закрыл глаза, которые даже

со смеженными веками выдавали ему картины дня; он вдохнул полной грудью влажный воздух, задержал дыхание и через несколько секунд выдохнул, расправляя плечи. Но и эта внутренняя погруженность не помогла. Чаша была переполнена... Мир словно говорил ему: «Я такой, какой есть. Не бинарный, неидеальный. Я – объективный мир. Я есть истина. Не оценивай меня. Не осуждай. Не думай. Не смей создавать свой мир! Примирись...» Настолько явно было это проявление бездушности мира, настолько невыносимы были эти требования склонить голову... И, несмотря на то, что становилось зябко от вечернего сырого тумана, Миллер стоял во дворе своего дома, ожидая, что решение вот-вот придет само собой, и тогда незамедлительно он почувствует внутренний баланс. Тогда он стал смотреть вокруг: мерцающие звезды изредка заслонялись быстро проплывающими серыми тучами, у темнеющего плоскогорья вырисовывались ажурные фигуры деревьев, первые желтые листья тихо опали с них и кружились по спирали в потоке вечернего воздуха. Но и это умиротворение, вызванное наблюдением за звездным небосводом и явлениями природы, вдруг быстро исчезло – созревшее утверждение о сверхконтроле снова слишком явно и отчетливо стало пульсировать в его голове: «Проверки, патрули, информаторы». Том немедленно блокировал этот мысленный поток, следуя правилам пра-вопорядка. И стал сознательно создавать новую реальность для формирования лейтмотива: «Мне нужно представить какой-нибудь пейзаж, такой пейзаж, который отождествлял-ся бы с бунтом против уравновешенности, против общепринятого, чтобы поставить в один ряд действительную жизнь и искусственную атмосферу... Что ж, на память приходит картина Кирхнера с этим монументальным громоздким мостом, раскинувшимся над лесными просторами и врезающимся в реку, сосны, холмы, где острые углы гор разбивают этот живой природный мир на бесстрастные геометрические фигуры: треугольники, конусы, пирамиды. В центре композиции снова обнаруживается фигура – ромб, сложенный из темно-зеленых сосен и горных дорог. А красные тропы с одной стороны и снова красные тропы по другую сторону полотна, как вены, наполненные кровью, извиваются по откосу, пересекают то снежный покров, то яркую траву. И этот искаженный природный мир, плоский и математический, растворяется, исчезает за остроугольными вершинами гор, в котором даже темно-синее небо, выписанное преднамеренно без белил плотной масляной краской, отбирает последнюю надежду на пространство, ограничивает, не пускает дальше этих гор, этих преград...»

\*\*\*

Стоило только Тому начать готовить питательный напиток, как вдруг раздался стук в дверь. На пороге дома появился участковый полиции в сопровождении сотрудников отдела охраны и двух специалистов из отдела технической помощи. Идентифицировать вошедших в дом людей по при-знаку их принадлежности к какой-либо деятельности не составляло труда – все были в специализированной униформе. Тому предъявили ордер на установку дополнительного технического надзора. Но прежде, чем приступить к мон-тированию камер, эти незваные гости тщательно осмотрели стеклянные полки, на которых размещались несколько предметов декора, ваза и электронный блокнот; и датчики на движения, установленные ранее, несколько месяцев назад, по периметру комнаты. Том покорно стоял в стороне и наблюдал, как технические специалисты в желтых комбинезонах всего за пару минут зафиксировали несколько дополнительных камер на раму под карниз потолка.

– Это для Вашей безопасности. Теперь все в порядке!

Результаты проверки показали, что Вы – не нарушитель, – монотонным голосом произнес участковый полицейский, передавая свою визитку прямо в руки. – Том Миллер, по всем вопросам обращайтесь вот по этому телефону.

«Для Вашей безопасности... Лицемеры!» – подумал с долей скепсиса Том. И в эту же секунду сотрудник отдела охраны продублировал свою визитную карту, сделав ссылку на голографический приемник. Специалисты еще раз ос-мотрели камеры и, убедившись в их надеж-

ности и исправности, удалились прочь. Миллер спешно затворил за ними дверь. А когда он плюхнулся в кресло и готов был погрузиться в свои раздумья, то вспомнил о своем рискованном положении и мгновенно принял меры. Он на ощупь отыскал пульт запуска голографического экрана, включил его в режим поиска новостной ленты, от чего комната наполнилась холодным голубым светом и мерцанием. Каналы мелькали один за другим. Теперь из собранного человека Том превратился в инертное существо: его глаза вдруг потухли и смотрели прямо в экран; мысли бродили хаотично, не концентрируясь на сложных задачах и анализе событий. А красный индикатор камеры подтверждал, что наблюдение за обстановкой в помещении постоянное, без сбоев и помех. Черное око пристально следило за хозяином дома. С экрана вещали скандальные ток-шоу и новости о правонарушителях. Том вздрогнул, вышел из прострации и судорожно посмотрел на часы:

– В десять – трансляция речи Верховного!

Ровно в десять вечера говорящая голова стала вещать в эфире по всем каналам; она изливала свои зомбирующие «сладкие» речи на зрителей, повторяла фразы за фразой, внушая иллюзорный покой. Том, удобно разместившись в кресле, обмяк всеми мышцами и перестал шевелиться. Он слушал проповедь Протектора, безропотно исполняя приказ, как дрессированная собака: «Сидеть, слушать, запоминать!» Двадцать минут пролетели в полном внешнем умиротворении. Вдруг комнату озарил свет фар подъехавшего транспорта. Том резко кинулся к окну, предполагая, что недавние «гости» снова вернулись, и стал наблюдать за происходящим: из припаркованного магнитомобиля черного цвета вышли три человека, приблизились к парадному входу соседа; дверь отворил хозяин, встревоженное лицо которого осветил уличный прожектор. Эти три силуэта протянули руки в знак приветствия, затем предъявили какой-то предмет. Мужчина начал активно выказывать возмущение, жестикулируя руками и выкрикивая отдельные слова на повышенных нотах. Он не принимал этот предмет, который, сколько мог разглядеть Том, был схож с пакетом документов. Один из проверяющих старался успокоить мужчину, второй же резко про-сунул руку за отворот пальто, демонстрируя оружие. Сосед, видимо, заметив это действие углом своего бокового зрения, сменил резкий тон на более спокойный. Теперь он смиренно принял в руки предъявленный объект. Люди быстро вернулись в свой магнитомобиль. Через минуту они скрылись из вида, и только тогда мужчина дал волю своим эмоциям: он стал кричать, игнорируя предупреждение, яростно разрывать упакованные документы, мять бумажные информационные носители. И все это, предъявленное ему ранее, он бросил на искусственный газон и зашел в дом.

## **ГЛАВА 2**

### **Научно-исследовательская корпорация**

Том встретил рассвет с ясным сознанием, а происходящие события выстроились в простые выводы: патруль на каждом шагу, вечерние проверки, голос Верховного, дополнительные камеры в доме – все это стало вдруг еще более претить ему. Эти умозаключения мгновенно стали выражаться не только внутренним несогласием, но и внешним физическим отторжением: к горлу подступила легкая тошнота, перед глазами появилась рябь, голова стала тяжелой. Миллер незамедлительно мобилизовал все свои резервные силы и поднялся с постели. Он стал неохотно одеваться и думать о корпорации: «Здесь также в основе всей деятельности лежит управление и контроль: управление сотрудниками, управление планом, контроль над сроками выполнения плана, контроль над объемом нормы, технический контроль». Но как только Том подумал о своем авторском проекте как о живом существе, находящегося под охраной искусственного интеллекта Тью, то напряжение, ежедневно преследующее его, немного отступило. А перед глазами предстал героический этюд, на котором голографическая Тью, одиноко обитающая в отделе и навсегда закрытая в этом кластере, самоотверженно защищает его детище и авторское право, ограничивая доступ любопытствующим «чужакам» к его файлам, базе данных, результатам изобретения. Том настойчиво стал напоминать себе, что он

свободен в своем творческом полете и что на дистанции между узловыми моментами своего потока мыслей он мог перейти с позиции нигилиста на мировоззрение человека, способного отрешиться от гнетущих идей о системе миропорядка и, наконец, творить свободно, без препятствий, творить как бла-женненький. Казалось, само время остановилось этим утром, пока он убеждал себя в необходимости примирения с текущими обстоятельствами и целесообразности научной деятельности. И ему оставалось только выйти из этих изнуряющих бесконечных обобщений и выводов. Только тогда станет возможным направить свой пыл и энтузиазм на проект! Том заварил кофе. Но чашка кофе не столько взбодрила его, сколько добавила степень головной боли, возникшей внезапно, как только он завершил напряженный анализ. Эта боль в лобной части распространилась на височную и стала стучать изнутри, словно молоточком. Тогда Миллер и принял решение поставить магнитомобиль на самоуправление. К тому же насыщенный транспортный трафик в эти утренние часы!

Магнитомобиль выстроил маршрут и беспрепятственно доставил Тома в Научно-исследовательскую Корпорацию – НИК. В свой отдел «Академия космических технологий» Миллер вошел встревоженный, нервный. Он поспешил влиться в обычный режим работы: открыл файлы, пробежал взглядом по тезисам своего доклада и тексту проекта «Управление мыслями на расстоянии». И опять стал рассуждать: «За этой темой стоит время, стоит многолетний труд... Результаты проекта были ожидаемы мной, но не сотрудниками, ни обществом. Завтра – в два часа дня – я должен презентовать отчет согласно программе конференции». Том стал думать о последствиях. Он чувствовал интуитивно, чувствовал всем своим нутром, что вопросы, на которые он знал ответы, представлять широкой аудитории слушателей не время, что в нем нет сейчас той воли и той силы духа, которые были его спутниками на этапе зарождения концепции проекта. Может, сейчас нужно было бы ему вернуть эту веру в собственную решительность, дерзость, смелость? Но вместо этого Том побрел по колее запутанных мыслей. Вдруг в разгаре этих внутренних сомнений настойчиво прозвучал голос разума, который запретил ему делиться своими изобретениями. И, наконец, неутомимая мысль выдала решение – обозначить актуальность темы, представить только методы и теоретические технологии.

\*\*\*

Безусловно, умственные способности Тома зачастую рождали в нем чувство превосходства над многими сотрудниками НИК, и, обладая одновременно несколькими категориями интеллекта – логико-математическим, про-странственным и внутриличностным, – он чувствовал себя уверенно в диалоге с коллегами, но все же держался больше отстраненно, нежели горделиво. В этой отстраненности проявлялся его характер, а его отчужденность в общении – не что иное, как прямолинейность, принципиальность и неприязнь к пустым разговорам. Он даже не позволял себе снисходительную улыбку, какой улыбаются все люди, когда по их субъективному мнению оппонент не соглашается с общепринятыми идеями. Но, не смотря на тактичность Миллера, научные работники уклонялись от словесных дуэлей с ним и тех рассуждений, которые требовали категориального системного мышления, ограничиваясь только цитированием достоверных фактов из-за боязни попасть впросак. Лишь некоторые из собеседников Тома отваживались вступить в спор, но тут же, уже на первых минутах разговора, теряли общую канву взглядов, и эта их неопределенность в суждениях выходила наружу – теория становилась догмой, а собеседник Миллера – запальчивым и невыдержанным. Том и сам понимал, что не каждый мог перенести словесное поражение, и было бы разумнее ему отстраниться от коллектива, уйти с головой в свою работу. Заурядность прочих подтверждалась также и тем фактом, что коллеги Тома работали лишь в одной области знаний, он же – на стыке нескольких! Однако общество 2130 года, претерпев эволюционный социальный прогресс, все же не искоренило жесткую конкуренцию и формы правления. И эта сохраненная структурная иерархия, существовавшая сотни лет, по-прежнему диктовала свои правила, согласно которым высокая должность в корпорации пред-назначалась лишь небольшому числу

избранных людей. Том Миллер не относился к таковым и не имел протекций, и, несмотря на его необыкновенную умственную силу, сотрудники не смели озвучивать это вслух и признавать его авторитет публично. Коллективному разуму следовало быть осторожным: серая толпа сотрудников, довольствовавшаяся отведенной ей ролью винтика в большой корпорации, продвигала лишь те проекты, которые инициированы системой. О, безумцы! Безумцы, убежденные в высшем предназначении и уникальности собственной персоны. Они же, эти люди, одурманенные правилами, не имеющие возможности охватить взором целое и важное, именно они, выполняя предписанные алгоритмы действий, ловко продвигаются по профессиональной лестнице. Они также верят в свою пользу обществу, в свою неуязвимость и счастливую судьбу! Но умело зашифрованные проекты, требовавшие реализации, ставили одну цель – использовать эти управляемые умы таким образом, чтобы каждый участник программы мог считать себя автором полезной деятельности и успешным человеком. Да, именно так тонко завуалированы ложные ценности, заявленные как истинные, в виде существующей стабильной системы! При этом сама система отдает на реализацию планов всю жизнь своих подчиненных, весь его отрезок, не оставляя, собственно, ничего для самого исполнителя, никакой личной счастливой судьбы! В этой системе – ни намека, ни положения, ни одного пункта на эту свободную жизнь!

\*\*\*

В обозначенное время, согласно программе конференции «Магнитосферные технологии», Том был готов представить свою разработку по защите информации в том объеме, который позволит ему по-прежнему оставаться недостижимым в этом направлении исследований. Более того, гарантирует ему некоторую неуязвимость: раскрывать все карты еще слишком рано – свои знания и навыки по диссимуляции мыслей от цифровых наблюдателей нужно приберечь для себя.

За несколько минут до презентации к Тому подошел сотрудник Джон Дэвис, который незамедлительно решил применить тактический ход по устранению конкурента, ход, как в шахматной игре. Казалось бы, он начинает с прямой атаки, а потом отработывает на собеседнике несколько запутанных дебютов.

– Я ознакомился с программой конференции, темой Вашей работы... Вы убеждены, что это только Ваши изыскания? Если ли у Вас соавторы? – Джон бросил эту первую фразу с намерением подорвать уверенность Тома.

На этом он не остановился, не все партии он разыграл; двуличная натура Дэвиса диктовала следующее: сначала вызвать сомнения, затем войти в доверие, выказывая внешнее расположение, а в конце – извлечь пользу от инновационных изобретений лично для себя. Ко всему прочему Дэвис ставил перед собой сверхзадачу – обратить остальных слушателей в противников Миллера.

– Я уверен, коллеги не поддержат Вас. Ваши материалы, наверняка, сыроваты. Вы работаете четыре года над этим изобретением. Я же, позвольте заметить, корпел по смежной теме последние десять лет. Я приглашаю Вас в гости... В дружеской обстановке, избегая регламента конференции, обсудим спорные моменты, обменяемся основными положениями, найдем точки соприкосновения, станем сотрудничать. Я готов помочь, – убеждал Джон Дэвис, вкрадчиво взглядываясь в глаза Тома, а затем жестом указал на слушателей, – а на наших коллег не стоит и время тратить!

Весь этот монолог Миллер выслушал с каменным лицом и подумал: «Считает, что это он определяет ходы и всю последующую «игру»? Решил присвоить! Сначала «утопить», а затем – «прибрать к рукам». Но вслух он лишь сухо произнес:

– Мне нужно идти. Время моего доклада.

Дэвис утвердительно закивал и расплылся в ехидной улыбке, думая, что его дело сделано – настроение у оппонента подорвано, недоверие к аудитории вызвано. Но за несколько

шагов до кафедры Миллер глубоко вдохнул полной грудью. Он слышал удары своего бьющегося сердца – настолько сильно его охватило волнение! Однако его способность к мысленной мобилизации в экстремальных ситуациях спасли положение. Голос Тома зазвучал убедительно. Его уста произносили фразу за фразой, глаза загорелись благодарным блеском в сторону слушателей. А трехмерные слайды, ви-зуальные объекты изобретения, подробные комментарии – вызвали заслуженные аплодисменты. Он дошел до момента дискуссий, которые в процессе обсуждения сложились в единое мнение. От такой доброжелательной атмосферы Том невольно расправил плечи, ощущая удовлетворенность. Но самый главный оппонент не собирался отступать.

– Уважаемый Том Миллер, оации не оплатят Вам реализацию этой идеи. На какие средства Вы собираетесь получить патент и осуществить производство? Как известно, корпорация работает над единой программой, направленной на развитие нашего города. Вы же и подобные Вам энтузиасты и индивидуалисты, отказывающиеся работать под руководством наставников, вытягивают все электронные номиналы из крупных, действительно, важных проектов!

«Действительно важных», – Том мысленно повторил эту язвительную фразу, понимая сложные механизмы деятельности офшорных компаний.

– Позвольте добавить, исходить нужно из понимания общей концепции, – продолжил с притворной любезностью Дэвис, обрывая докладчика и обращая фокус зрения присутствующих в конференц-зале на себя.

Такое поведение было свойственно Джону Дэвису – уместна ли или нет его теория, но он ее озвучивал, не счи-таясь с регламентом выступления, добиваясь лишь одной цели, той, к которой стремятся все закомплексованные личности – быть в центре внимания! В этом ученом уживались две противоположности: с одной стороны, на поверку, это был человек уступчивый, не-последовательный, ведомый, расточительный. Но именно эти качества характеризовала его с лучшей стороны. А вот с другой – совершенно невыносимый: с чувством собственного превосходства, с кичливыми претензиями на недораз-витость рода Homo sapiens (исключением, конечно же, был он сам!), принижающий всех вокруг за счет преувеличения собственных достоинств. За эту вторую часть натуры Джона Дэвиса ненавидел весь коллектив, но из-за позиции кон-формизма коллеги не вступали с ним в конфликт напрямую, убеждая себя, что высказывания о своем неприязненном отношении ничего не изменят. Лишь его жена, присутствующая здесь же, не замечала ни его грязной шеи, ни его вы-сокомерного тона, ни бестактной критики оппонентов; она слушала его демагогию с огромным вниманием, восприни-мая его нарочитую речь за проявления большого ума!

Том выдержал нападки недоброжелателя и расположился в аудитории, предприняв шаги по скрытию своих истин-ных мыслей. Он целенаправленно стал думать об Элизабет: «Сегодня вечером буду настаивать на ее переезде, если, конечно, получим разрешение...»

### **ГЛАВА 3**

#### **Любовники и контролер в голове**

– Эли, нужно только подать заявку на разрешение, – сказал Том.

– Нет, Том, не время, – ответила спокойным тоном Элизабет, отклонив предложение о своем переезде к нему.

– Мой номинальный счет! В этом дело?

– Неправда, – возразила женщина.

– «Серая метка» в базе данных – отсутствие родственников? – снова предположил Том.

– Нет.

– Твоя независимость?

– Нет.

– В чем причина?

Эли посмотрела прямо в лицо Тому, но не ответила. В этот раз разговор не перешел в разряд большой ссоры. В какой-то степени эта стратегическая игра в недомолвки, отрицание и несогласие служила для нее способом со-крытия истинной натуры – страстной и любящей. Но Эли не произносила слов любви вслух, то ли от воспитанной эмоциональной сдержанности, то ли из-за боязни казаться слабой в этой привязанности, то ли от желания оставить чувства при себе как присвоенный единолично иллюзорный мир, в котором слова, действия и даже степень любви можно усилить методом собственного воображения. Она и сейчас, оставаясь верной своим убеждениям, внутренне была спокойна и даже счастлива. В этот момент спора она забавлялась его искренним и открытым переживанием, которое выражалось в растерянном взгляде, легком покраснении скуловой части лица, в сбивчивости фраз. Эли смотрела на него глазами влюбленной женщины: нежно, восхищенно, задумчиво. Она отмечала для себя, как безупречен Том и прекрасно сложен: широкие плечи, развитая мускулатура, узкий торс; темно-русые волосы, спускающиеся крупной волной на могучие плечи; высокий лоб, свидетельствующий об интеллекте; густые черные брови, дополняющие идеальный образ мужской красоты. Другая особенность в нем также ее удивляла – это изящные кисти рук, которые выбивались из общей композиции, рождая дисбаланс между детскостью в руках и мужественностью всей фигуры. Ее сердце трепетало, словно заколдованное жестикациями этими руками с тонкими длинными пальцами. Когда же он прикасался к ее волосам, поправляя ниспадающие локоны на лицо, то она с трудом сдерживала дыхание...

\*\*\*

Проснувшись рядом с Эли, Том оставался неподвижным; он лишь приоткрыл глаза, чтобы созерцать ее лик. Он смотрел сквозь свои полуоткрытые веки на ее круглое лицо, обрамленное темно-каштановыми волосами – пряди волос, спутавшись за ночь, рассыпались по шелковой подушке. Ее брови от природы были черными, а по своей форме они напоминали крыло птицы – слегка взмывали вверх, к височной доле. Брови яркие, тонкие, не требующие коррекции. Губы – полные в меру; чувственный рот был приоткрыт естественно, в полуулыбке. Том желал продлить это рассматривание ее лица, но вдруг услышал голос в своей голове: «Допуск к размышлениям ограничен. Превышен порог анализа. Вы превысили порог. Вы отклоняетесь от нормы! Предупреждение». Том замер, прислушиваясь. Эта фраза повторялась с определенной периодичностью. Он попытался рассуждать самостоятельно: «Важно подавить это! Либо мое бессознательное, либо чип, контролирующий ход мыслей, либо поток «электромагнитки». Неважно, кто источник контролера, важно, что сейчас я должен договориться со своим бессознательным». Но размышлять самостоятельно, по своему усмотрению, было запрещено! Запрещено всем, живущим в 2130 году...

Том разбудил Элизабет:

– Эли, Малыш, проснись.

– Сколько времени? Мой лимит на посещения до восьми, – потягиваясь, лениво ответила она.

– Семь, но я не могу спать, кто-то транслирует мне следующий текст: «Вы превысили порог допустимых мыслей».

– А ты думай обо мне, конечно, в пределах разумного и приличного, – иронизировала Элизабет.

– Как часто тебе транслируют ограничение на мышление, Эли?

– Редко! Писатель может использовать свое воображение... Пишу все, что воображаю, что хочу, – пояснила она и накинула на голое тело белую блузу.

– Спорный вопрос о твоей свободе!

Цифровая камера среагировала мгновенно на данное высказывание Тома.

– Свобода творческая – это возможность созидать и создавать новое, – поспешила ответить умная девушка, отводя всякое подозрение от любовника. Красный огонек на камере погас, включив синий режим – режим спокойствия.

– Спасибо, – прошептал Том.

И Эли понимала, за что эта благодарность.

Любовники попрощались нежными поцелуями и условились встретиться через два дня.

Как только Элизабет скрылась из вида, Миллер стал бороться с гнетущими мыслями.

\*\*\*

Миллер занялся текущей работой, но все время думал об отделе «Археология цифровых технологий». Он бегло просмотрел свои расчеты по потоку солнечного ветра в ми-ниатюрной магнитосфере. Но сегодня ни этот новый экс-перимент, ни доклад к конференции ничего не говорили ему. Без особой надежды Том стал просматривать цифро-вые письма в навигационном дисплее и тут увидел сообщение: «Разрешение на вход в отдел № 37121». Том добивался этого пропуска под разными ложными предложениями уже несколько недель. И вот, наконец! Истиной же причиной посещения этого отдела стала необходимость встречи Миллера с добрым приятелем – профессором Майком Хаммером, преклонный возраст которого не был помехой их дружбе и взаимопониманию.

Профессор ценил Тома за рассудочность, а Миллер в ответ уважал Майка за порядочность, вдумчивость, отзывчивость и скромность. Чудаковатый вид ученого еще более располагал Тома к тесному общению: великолепная большая голова с залысиной на макушке; высокий лоб с тремя глубокими морщинками; седые волосы, обрамляющие эту плешь мелкими кудрявыми завитками волос и напоминающие овечью шубку; крупный широкий нос, выпячивающийся из очков в большой оправе; бесцветные брови, и светло-серые большие глаза, увеличивающиеся двукратно сквозь толстые линзы. Профессор не выделялся и складностью фигуры – тучное телосложение, невысокий рост, широкие кисти, в движениях неповоротлив. Том поспешил на встречу с профессором в надежде на избавление от «контролера в голове».

#### **ГЛАВА 4**

##### **«Зри в корень»**

К вечеру небо затянуло тучами, и стал накрапывать мелкий дождь. Том принял это к сведению и немедленно ринулся осуществлять задуманное ранее – он спровоцировал короткое замыкание и стал быстро перенаправлять обзор цифровых камер в сторону холла, оставляя северо-западную часть своего жилища вне поля зрения «сторонних наблюдателей». Хозяин дома смог исполнить задуманное в считанные секунды. Вскоре умный дом запросил информацию, нащупал поломку и устранил неисправность. Помещение наполнилось светом. Мгновенно заработали все приборы, функционирующие от сети и головного компьютера. Том поспешил в «невидимую зону». Вход в гардеробную он принялся тщательно декорировать на случай нежданной проверки. Дверь в потайную комнату он оформил заранее заготовленными настенными панелями, сверху – панорамные картины.

Том ждал гостя к восьми вечера.

Прозвучал сигнал-оповещение. Том открыл дверь, радушно встречая профессора Майка Хаммера. Его ввалившаяся фигура с сырости в теплый дом произвольно задрожала; капли воды стекали по водоупорной ткани плаща. Гость зашел в холл и стал осматриваться. Взглядом он встретился с камерами наблюдения, оценил ситуацию и начал официальное приветствие:

– Добрый вечер, Том! С удовольствием принял Ваше приглашение. Уютно у Вас.

– Добрый! Проходите, располагайтесь, – при этом хозяин повел гостя в направлении только что устроенной им зоны.

Том взглядом указал на стену еле заметной гримасой, подергивая бровью в сторону. Затем отодвинул картины и освободил от панелей заблокированную дверь. Добрые приятели оказались в оборудованной комнате, в условиях, где можно говорить «без свидетелей» и где их

личное пространство никто не нарушит. Майк стал изучать новое пространство, а Том в это время отметил для себя, как изменилась скромная наружность Майка, попавшего под дождь: его волосы скрутились в мелкие кудри и ажурно обрамляли лоб. А тонкая шея, которую профессор втягивал в могучие плечи, видимо, борясь с ознобом, была несоразмерна с телом. Но Миллер восхищался Хаммером, его внутренней красотой: простодушием, скромностью, порядочностью, мудростью и быстротой мысли.

– Простая фольга на стенах... Аквариумы, заполненные водой – хорошо... Электромагнитная волна как первичный сигнал. Сигнал сочетает в себе постоянное и переменное поле, – рассуждал вслух Майк Хаммер, – но недостаточно для ловушки и блокады информации.

– Знаю, – согласился с замечанием Миллер, желая продолжить разъяснения. Но профессор увлекся собственными мыслями.

– Вода, а точнее ее активированная молекула, имеет ато-мы водорода с противоположными спинами. Это учитывают информаторы. Ты же знаешь, Том, из опытов известно, что при организованном течении двух встречных потоков воды в месте касания этих встречных струй возникают трения скольжения. И этот тонкий слой молекул имеет значение! Принцип работы информаторов – этих летающих дисков слежения, – как и задающих генераторов, могут сформировать вихревые элементы, а им доступна фотонная среда, в которой распространяется электромагнитная волна. Эти информаторы – устройства, включающие асимметричные чувствительные элементы и контактное информационное обеспечение. И все это благодаря проводимому слою. Из этого токового слоя потечет информация в сторону асимметричных устройств, то есть информаторов. И они, периодически пролетающие над нашими головами и над крышей твоего дома, на основе магнитного резонанса производят считывание информации. Поэтому смогут считать и наш разговор, всю нашу сигнальную информацию! – прокомментировал профессор, дав критическую оценку «находке» Тома.

– Не беспокойтесь, об этом я тоже подумал. Поэтому на мансардном этаже разместил свинцовые пластины, металлическую арматуру, устройства с хаотичными штрих-кодами. А также учитывал, что если солнце порождает структурные вихревые формы, то необходимо поместить на крыше больше солнечных батарей, – пояснил Миллер.

– Отлично, это другое дело! Попробуй еще купить как можно больше рыбок. Их движение будет уменьшать проводимость воды в качестве источника информации. Да! Еще купи пару аквариумов в холл, чтобы у патрулей не было вопросов, если вдруг заглянут в гости. Это на тот случай, если «пробьют» покупки за последние месяцы. В противном случае, чем ты аргументируешь, что в твоей истории приобретений столько аквариумов? А в доме, в открытом пространстве – ни одного! Установи также антенну, излучающую волну. На границе раздела антенны и среды – два вихревых слоя противоположного направления вращения. Эта антенна будет передавать и возбуждать пространство фотонной среды, то есть создаст волну информации через процесс организации элементов среды по закону памяти передающего устройства.

– Спасибо, учту, – как всегда немногословно ответил Том, соглашаясь с замечанием, – что у Вас для меня? Есть информация?

– Том, послушай. В последнюю неделю ты особенно неосторожен. Конечно, здесь и моя вина... Приходишь ко мне в отдел, задаешь вопросы кодированным языком... Я долго думал о твоём обращении ко мне, о твоих вопросах... Все, что я нашел, не должен разглашать... Я не знаю языка древних программистов. Моя роль в корпорации маленькая...

– И все же, Вы – цифровой археолог! Не уходите от ответа, – Том прервал оправдания профессора.

– Сознаюсь тебе, информацию, которую я перевел и расшифровал, смог передать прежде только Майклу Хопстеру. Но он ликвидирован. На мне итак вина...

– Не беспокойтесь, буду осторожнее. Я выбрал Вас в друзья, догадываетесь, наверное, еще и потому, что Вы работаете с информацией прошлых столетий. Вам и только Вам она доступна!

Вчера вечером я с трудом поборол контролера в голове. Эти навязчивые фразы «Превышен порог анализа», «Порог допустимого» заставляют меня действовать. Я готов бороться с системой и режимом контроля!

– Что ж, я располагаю только следующей информацией, поможет ли она? – медлил Хаммер.

– Говорите! – настаивал Миллер.

– Помнишь, тот несуществующий орган-приемник, моя гипотеза? Так вот, используй его, будет подсказка – односложная фраза или афоризм. Это и есть ответ. Прежде, чем я назову этот текст... Словом, выслушай меня до конца. Понимаю твое нетерпение. Но, Том, возможно, мы начинаем неравную борьбу! Если тебе будет угодно, я готов озвучить тебе свою теорию восприятия мира и, возможно, доказать твое ошибочное понимание действительности, с той целью, чтобы тебя предостеречь от решительных действий, – по-отцовски умолял профессор. – Восприятие мира ограничено физическими особенностями организма и соответствующими органами восприятия – ощущения через призму собственного сознания средствами осязания, обоняния... Словом, сигнализация с помощью химического языка летучих молекул, а далее химические реакции и электрические импульсы мозга. Безусловно, атомно-молекулярные основы взаимодействия всего живого я не исключаю. Но все же, если представить несуществующий, не укладывающийся в наше сознание орган восприятия с целью полного анализа действительности, такой ли действительностью она бы нам представлялась? Это предположение доказывает относительность теорий и концепций, пусть даже научно и материалистически подтвержденных об организации и устройстве нашего мира. Возможно, этот орган как механизм, напоминающий открытую систему и напрямую работающий с электромагнитными волнами, с мельчайшими частицами или теми частицами, о которых мы еще не знаем. Мы не можем их зафиксировать по причине отсутствия такого «приемника». Мое воображение может даже довести до представления этого дополнительного органа, как вращающейся воронки по спирали, например, над головой или ушной раковиной, и включением в этот вихрь всей информации, закодированной в той форме, которая была бы приспособлена для считывания конкретным, пока еще только воображаемым органом, предназначенного для формирования правильной целостной картины мира и мироздания. Это словно абсолютное знание и истина...

– Это знание не изменит моего отношения, – цинично произнес Миллер. И сам удивился своей резкости, но не извинился.

Тогда Майк сам начал оправдание:

– Но... ты не дослушал, я понимаю, я часто ухожу в сторону, увлекаюсь в своих измышлениях. Однако, если нужен добрый совет, то, абстрагируйся от всего. Так ли важны все твои эмоции, мысли и идеи?

Ответ не прозвучал, так как вопрос был риторический.

– Я не буду больше Вас вмешивать в эту историю. Обещаю Вам! – именно это и хотел услышать профессор, который уже чувствовал нависающую угрозу не только над головой Тома, но и над своей собственной.

И все же он не мог так проститься с другом, оставить его без поддержки и помощи.

– Том, возможно, у тебя уже есть зачатки этого ретранслятора мысли. Но об этом в другой раз. Я сообщу тебе, обязательно расскажу, над чем я работаю, возможно, мое новое изобретение поможет тебе...

Том был заинтригован; сквозь неподдельный интерес к работе Хаммера стало пробиваться волнение. Он видел, как испуган, как уязвим этот скромный и по-настоящему умный человек.

– Только фразу! Прошу Вас, говорите! – упорствовал Том. – Последовательный алгоритм слов: «ЗРИ В КОРЕНЬ – НЬЮТОН».

Профессор посмотрел на свою карту времени и вдруг в одно мгновение он смахнул с себя весь энтузиазм прошедшей беседы и произнес монотонно:

– У меня заканчивается лимит свободного посещения, продолжим позже.

Он пошел к выходу быстрым шагом, преодолевая сильную одышку.

\*\*\*

Миллер чувствовал себя свободно в своем научном отделе, в который допускал только одну единственную коллегу – голографическую программу Тью. Эта цифровая союзница, воплощенная в оптически сенсорное изображение и наделенная человеческим обликом, была прекрасной, изящной, элегантной. Каждый новый рабочий день она начинала с того, что меняла свой внешний образ и стиль. Свою речь она произносила низким женским тембром, выстраивала диалог, дипломатично исправляла ошибки в проекте, поддерживала принятые решения Миллером. И именно это ее индивидуальное участие без присутствия информаторов внутри научного блока давало стимул Тому служить не только целям корпорации, но и использовать это как привилегию для решения других, личных задач, не имеющих никакого отношения к работе. Конечно, Цифровой Индивидуальный Разум присматривал за ним, но при этом надежно хранил данные, которые мог использовать лишь «хозяин» отдела. Но если в своем блоке Том был почти неуязвим, то выйдя из него, где информаторы казались беспристрастными осведомителями, и где служба АНБ выявляла нарушения в сфере научного заказа, – абсолютная свобода мгновенно исчезала. Том улавливал это и невольно думал, что бывают минуты, когда особенно чувствуется это холодное, чужое и враждебное пространство. Над корпорацией, внутри нее, в каждом лифте, лестничном пролете, вестибюле, приемной, глубине коридора – везде цифровой наблюдатель!

Том посмотрел прямо в наборное поле дисплея, но ничего не увидел – его душевное напряжение требовало разговора с самим собой: «Это опять точит меня изнутри. Я не способен приступить к умственной работе и не способен освободиться от идеи разгадать этот алгоритм «ЗРИ В КОРЕНЬ – НЬЮТОН». Будто вся моя жизнь заключена в этой фразе... А без ответа все теперь бессмысленно! Так что же, вернется ли ко мне уверенность? Неужели я страдаю неврозом навязчивого состояния, неужели нет способа самоизлечения и избавления от сомнений? Не знаю... Разве что при полном внешнем порядке – в помещении и абсолютной собственной аккуратности?» И в эту же секунду взгляд Тома задержался на поверхности стола, и он стал всматриваться в небольшую выщерблину, которая открывала вид на стружку – постформинг. Эта, казалось бы, незначительная деталь стала тяготить его еще больше, отвлекать от самоанализа. И Том сказал вслух:

– Как найти ответ, когда вокруг столько несовершенства!

Миллер поднялся с места, стал расхаживать по кругу широкими шагами и вернулся к прерванным мыслям: «Сейчас не время пребывать в хмуром состоянии, при котором мое бессмысленное самобичевание приведет только к бездействию, неверию в свои силы. Мне нужно продолжить развивать чувствительность к фотонной среде. Ведь все, происходящее со мной – не случайность, не глупая удача, а только следствие усилий контроля над бессознательным». Как только он пришел к мысли о неслучайности событий, вдруг произошло происшествие, которое как раз относится к разряду случайных – без видимых воздействий сработала сигнализация, предупреждающая об утечке информации. Немедленно начали проверку. Было ли разгневано или напугано руководство – неизвестно. Но сотрудники находились в состоянии замешательства, задаваясь вопросами: кто-то воспользовался устройством, не зарегистрированным в НИК, или кто-то имеет доступ в централизованный корпоративный репозиторий или вход в систему к наукометрической базе данных? И все это на фоне нелюбезной ложной тревоги, звучащей как визг на высоких нотах! Предположений было множество, но подтвержденных фактами – ни одного! В отличие от большинства Миллер равнодушно слушал

эти догадки. Он создал в себе некую реальность и, пребывая в ней, взрастил то отчужденное состояние, которое как раз за последние месяцы довел до завершённой формы. При чем это было только начало к тем предстоящим переживаниям, которые должны дать ему свободу в будущем.

Он спокойно выдерживал допрос специалиста «АНБ-ОБК» (агентство национальной безопасности – отдел безопасности корпорации).

– Том Миллер, где Вы находились в момент срабатывания сигнализации?

– В своем отделе, – уверенно ответил Том и спокойно продолжил, взяв инициативу диалога в свои руки. – Я могу помочь Вам. У меня есть предположения о причинах ложной сигнализации.

Сотрудник внутренней безопасности посмотрел на Миллера исподлобья, выдерживая словесную паузу, будто он не расслышал: что ему эти разумные предположения... все это он и сам знает. Но ответил на проявленную дерзость сухим замечанием:

– Вы нарушаете регламент опроса сотрудников.

– Вопрос не прекратит этот звук тревоги, – решительно ответил Миллер.

– Так, и какие же Ваши предположения? – вдруг спросил специалист АНБ-ОБК, угодливо улыбаясь фальшивой ухмылкой и округляя глаза. Он, видимо, полагал, что этот научный сотрудник не повторит дерзновенной попытки обвинить его в некомпетентности. Но ошибся.

– Возможно, причина ложной сигнализации – техническая. Возможно, плохой монтаж, плохой контакт в шлейфе сигнализации. Возможно, электромагнитные помехи – тогда необходимо экранировать оборудование, заземлять или, наоборот, запитывать от отдельных источников питания. Возможно, обычное замыкание. Проверить блок защиты и микропроцессорный блок. Влажность сегодня высокая... – спокойно и тактично сказал Том, без нарочитых ноток.

– Так! – восторженно ответил специалист. – Проверим!

И продолжил с другими сотрудниками, но запальчиво, раздраженно. Без промедления Том покинул общество АБК.

Он направился в свой отдел, но услышал, как его окликнула Айрис из отдела защиты базы данных. С раздражением в голосе она начала комментировать происшествие и методы допроса. Но Том не слушал ее. Не дождавшись словесной поддержки от «немного собеседника», она перешла на эмоциональное высказывание своего восхищения большой выдержке Миллера. Но его не тронули и эти искренние переживания и признательность! Он по-прежнему поверхностно смотрел на все происходящее, словно на историю со стороны. Он стоял с минуту около кабины лифта, обдумывая свою отчужденность: чем глубже измышления о существующей системе, тем больше пропасть между ним и повседневными задачами и коллективом корпорации. Это стало ему особенно понятно, когда он вышел из НИК и уже терзался другими мыслями – глубоким страхом быть под контролем.

\*\*\*

Покупать рыбок и корм стало для Тома каждодневным занятием. Однако и это действие он осуществлял с осторожностью, применив тактику покупки рыбок в разных зоомагазинах в отдаленных кварталах города. При этом скрыть свое перемещение от информаторов и добыть дополнительный лимит времени на проезд ему помогало новое изобретение профессора – медальон-сенсор. Этот незатейливый внешне медальон, включающий ферромагнетики – никель и железо – был сложным по внутренней структуре и обладал свойствами диамагнетиков и парамагнетиков. Он принимал, потреблял внешнюю энергию и закольцовывал ее в структурные формы памяти. Как только Том помещал медальон во внутренний карман пальто, то становился невидимым для камер слежения, что и обеспечивало ему свободное передвижение по городу. При переключении сенсора в режим усилителя некоторые камеры и пилотирующие информаторы на некоторое время выходили из строя. А созданные помехи изображения во время оцифровывания делали невозможным идентификацию личности.

\*\*\*

Миллер на ощупь нажал на отключение мелодии пробуждения, звучащей с каждой стороны его «укромной зоны». Но тут же следом автоматически зажегся свет, еще более назойливо оповещая хозяина дома о необходимости раннего подъема. Том внезапно почувствовал головокружение, тошноту, слабость, и, отстраняя это утро как нечто неприятное, остался в постели. И теперь, находясь между сном и явью, он спокойно рассуждал: «Как быстро меняются наши взгляды на одни и те же вещи в зависимости от жизненных обстоятельств, от получаемой информации извне, от оценок и восприятия действительности других людей. Ничтожные каждодневные заботы среднестатистического человека теперь кажутся мне еще более ничтожными. Когда не так давно и я был в потоке этой бессмысленной жизни...»

Прошло всего несколько минут и, испытывая угрызение совести, Том поднялся, вышел из «бункера» и подошел к окну. Восток окрасился желтым заревом. Том ощутил энергию солнца и отбросил теснившиеся в голове сомнения. Он решил немедленно начать интеллектуальную расшифровку фразы: «Зри в корень».

\*\*\*

Миллер обошел все существующие общественные места – исторические памятники культуры, научные и развлекательные центры, выставочные экспозиции и платформы, стационарные и голографические музеи, рестораны и кафе, парки и скверы, улицы и улочки, сады и оранжереи. Он изучил онлайн-библиотеки, онлайн-каталоги открытого доступа, множество сайтов и социальных закладок. Но ничего! Ничего, что могло бы натолкнуть на ответ! Сидя перед экраном дисплея, Том почувствовал опустошение и безысходность. Слово все эти дни он шел на фразу «Зри в корень», как на свет, но шел слепой, без поводыря, наугад, наталкиваясь на препятствие и получая лишь травмы, пусть не физические, но душевные. Он жалел себя, потом его охватила злость и рвение: разгадка таится где-то совсем близко и невидимый ответ кроется где-то в бессознательном... И мозг Тома, утомленный напряженной аналитической работой, приказал успокоиться, остановиться и полагаться лишь на интуицию...

## **ГЛАВА 5**

### **Музей-библиотека**

Как удалось подготовить Тому в такой короткий срок программу кодов, остается загадкой. Но он принялся к исполнению поручения, открывшемуся на рабочем экране, с таким рвением, что получил дополнительный лимит времени и покинул свой отдел НИК в полдень. А время и свободная мысль были сейчас самыми большими ценностями в его жизни. Но не так просто было понять, как использовать это время, можно ли доверять интуиции, которая вела его в музей-библиотеку.

Со второго яруса трассы на высоте семи метров от нижнего уровня дороги, Том, приближаясь к зданию на своем магнитомобиле, смог обозревать музей сверху: крышу, шпили, башенки. Он медленно припарковал машину у центрального входа. Архитектурный облик музея-библиотеки позволил определить его возраст, ибо строение было возведено в стиле Тюдоров: крутая крыша, покрытая черепицей; высокий дымоход; слуховые окна круглой формы; красный облицовочный кирпич; вход, отделанный крупным камнем.

И Миллер констатировал вслух:

– Конец XIV – начало XV веков.

Том быстро поднялся по ступеням и оказался в парадной, где посетителей встречали стоящие в ряд смотрители. В холле Тому вручили бумажный буклет с программой музея. И этот обмен материальными носителями информации – бумажными, холщовыми, текстильными – как ритуальное действие входило в программу экскурсий. Как только Том заплатил электронным номиналом, ему был открыт доступ на первый уровень экспозиции.

Теперь он оказался внутри помещения с материальными вещественными экспонатами! Впервые за последние годы Том мог осязать не четырехмерное пространство виртуально-го мира музеев и цифровых библиотек, а реальные предметы!

В библиотеке пахло старым деревом и лаком; на полу длинного коридора лежала шерстяная дорожка-ковер – красная, с узорами. Деревянные полки книг были украшены старинными элементами и декором из гипса, а простенки между полками были заполнены полотнами из холста, расписанные масляными красками и превратившиеся в живописные сюжеты пейзажей и исторических композиций. При этом приглушенное освещение, которое поддерживало общую концепцию таинственности, погружало каждого посетителя в мир покоя.

За отдельную номинальную плату экскурсовод позволил подержать в руках книгу в кожаном переплете. Миллер ощутил текстуру и запах бумаги прошлого времени, листая толковый словарь. Во время этого действия он искал глазами тот артефакт, о котором намекал в последней беседе профессор Хаммер. Том осмотрел стеллажи с книгами, но ничто не давало подсказку, приближающую к разгадке фразы:

«Зри в корень». На второй этаж доступ был закрыт.

– Возможно ли мне подняться на второй этаж библиотеки?

– Что Вы? Нет, только для сотрудников нашего музея, хранителей фондов и экспозиций, – возмущенно ответил экскурсовод.

С этими словами он повернулся спиной к Тому, видимо, доказывая свою принципиальность, и пошел навстречу другим посетителям. Миллер направился к выходу. В арочном проеме, около центральной части рекреации, Том заметил систему сигнализации, местоположение которой следовало бы запомнить на тот случай, когда возникнет крайняя необходимость проникновения в музей на второй этаж. В этот момент один из сотрудников судорожно схватился за перила лестницы. Он пытался вдохнуть воздух. Том предположил, что этого человека художавого телосложения настиг приступ астмы. Но тот вдруг упал на внутреннем балконе музея, выгнувшись как мост: его тело билось в судорогах, изо рта шла пена. Том быстро поднялся по ступеням, громко закричал второму нерасторопному экскурсоводу:

– Ложку, быстро! – при этом Миллер собственным весом придавил ноги бьющегося в конвульсиях человека, который неестественно запрокинул голову назад...

Том обхватил голову больного своими сильными руками, сдерживая судороги, а ложкой прижимал язык к поверхности нёба человеку, страдающего эпилепсией. Минуту спустя приступ окончился, и мужчина маленького роста с уплощенным добрым лицом привстал, отряхнулся и спокойно произнес слова благодарности.

– Благодарю... Простите, непреднамеренно лишил Вас экскурсии. Номинал вашей карты полностью, верну стоимость билета, – оправдывался экскурсовод, который только что находился на грани жизни и смерти.

– Не стоит, я все посмотрел, поэтому возврата номинальных средств от Вас не потребую, берегите себя... – промолвил Том и развернулся к выходу.

– Услуга за услугу, – настаивал только что обреченный человек.

Том помедлил с ответом:

– Как Вас зовут?

– Веньмин Чжу.

– Будем друзьями, Веньмин! На днях загляну к Вам. Берегите себя!

Миллер задумчиво вышел из музея и побрел в центральный парк, забыв про свою припаркованную машину. Он сам не мог бы сказать, сколько времени он думал о том, что на этот раз интуиция его подвела и поставила в тупик – она привела его в библиотеку, которая вмещала в себя объекты исторического и культурного наследия, но по-прежнему не давала ответы на волнующие его вопросы; а когда он поднял голову, то увидел, что идет уже вдоль аллеи...

Старый краснолистный клен, с выкрашенным в белый цвет стволом, поразил Тома своим величием – в обхвате он был не менее трех ярдов. А его ветви с трещинами и выступами, как жилы на старой руке, тянулись до самых верхних облаков, удерживали их своими древесными кистями и тут же разреживали эти водно-воздушные конденсации, пропуская на землю яркие солнечные блики. Запах прибитой пыли и влажной листвы, осязаемый Миллером, развеял его внутреннюю растерянность. Он сбавил шаг, когда почувствовал непреходящее состояние и истинное блаженство, отчасти дополненное; ведь он вспомнил вновь свое детство, свое пребывание в гостях у деда. Там было подлинное счастье! И песчаные холмы вдоль берега моря, по которым он сбегал с распростертыми руками навстречу теплым порывам морского ветра и утопал в песке голыми ступнями, изображая их зыбучесть, ворочаясь в них, погружаясь в них, – он помнил всем нутром, всеми клетками памяти. И странные южные растения: грабы, инжиры, канны, юкки, розы, пальмы, иланг-иланг, примулы, магнолии... И галечный пляж Высокого берега, открывающийся скалистой материнской породой, окрашенный в охристый цвет и имевший буро-красные затеки. И беседка в саду дедушки, обвитая вьющейся глицинией, с деревянными полами, которую каждый год полировали и пропитывали морилкой красного цвета...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.